

УДК 821.161.1(5–191.2) (575.2)(04)

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В БЛИЖНЕМ ЗАРУБЕЖЬЕ: ВЗГЛЯД НА ЦЕНТРАЛЬНУЮ АЗИЮ

О.С. Прокофьева

Рассматривается творчество русского поэта В. Шаповалова в контексте внимания к путям развития русской литературы на постсоветском пространстве Центральной Азии.

Ключевые слова: литература русского зарубежья; межкультурные взаимоотношения; перевод; прецедентные тексты; амбивалентность; выразительность поэтической речи.

История русской литературы среди феноменов, представляющих ее современную художественную словесность, все стремительнее накапливает произведения, созданные русскоязычными авторами за пределами России. Культурное пространство русскоязычия гораздо шире административных границ государства Российская Федерация. Разнообразие этих феноменов является богатым материалом исследования, а типологизация требует широты охвата и бережного собирания.

Сравнительно новый для изучения пласт – русскоязычная литература на территории СНГ. Наблюдаются две тенденции в динамике русскоязычного культурного пространства при взгляде на литературу в соответствующих диаспорах. С одной стороны, и в первую очередь, – стихийная инерция русского искусства, являющегося результатом творчества тех, кто продолжает жить на территории бывших республик Советского Союза, либо за пределами РФ и СНГ. Например, значительная часть авторов альманаха “Малый шелковый путь”, инициаторами которого стали литераторы из Ташкента. С другой стороны, – организующая деятельность “Русского мира”, в составе которого – представители отечественной науки и органов государственной власти, деятельность которых направлена на объединение и поддержку бывших соотечественников, проживающих в настоящее время за рубежом, на укрепление там авторитета русской культуры.

Если литература дальнего зарубежья уже вписана в историю русской словесной культуры, то для русскоязычной художественной словесности ближнего зарубежья место еще только намечено. Историко-литературное осмысление

этого “запредельного” материала носит, при всей остроте, пока точечный характер – о творчестве Дины Рубиной [1, с. 320–325], о фестивалях русскоязычных авторов за рубежом [2], о тенденциях русской литературы [3], о русской литературе в Казахстане [4].

Между тем, в контексте современных миграционных процессов осмысление культурных взаимодействий актуализировалось. Сквозь призму художественного творчества, которое всегда объединяет непосредственный жизненный опыт личности и масштабность обобщений, проблема социальной, этнической, исторической самоидентификаций предстает особенно животрепещущей. Межкультурные взаимодействия открываются в новых оттенках проявления и описания – особенно, если появляются крупные художники.

В последние годы увеличился приток мигрантов в сибирскую часть России из бывших среднеазиатских советских республик, за счет тюркоязычных жителей Кыргызстана. Это становится почвой особого интереса к ментальности художника, имеющего опыт осмысления общечеловеческого и национального, сложившийся именно на данном перекрестке Евразии. Русский поэт Кыргызстана В. Шаповалов, удостоенный ордена дружбы Народов и государственной премии, является автором, чьи произведения публикуются и в российских, и в среднеазиатских изданиях. Они привлекли внимание исследователей Киргизии, Казахстана, России, Франции и т. д., и это существенно пополняет число работ о русской литературе ближнего зарубежья [5].

Художественная материя у данного русского автора являет собой межкультурный синтез, на-

сколько типичный, настолько и особенный. Это заметно, например, при соотнесении с направленностью публикаций ташкентского альманаха “Малый шелковый путь”. Смысловая доминанта представленных этим изданием произведений (в частности, Евгения Абдуллаева, его литературный псевдоним Сухбат Афлатуни, Дины Рубиной) – Ташкент недавнего прошлого. Многонациональность этого города дважды в течение полувека нарастала в условиях беды: войны 1941–1945 гг., когда древний город Узбекистана стал гостеприимным прибежищем для эвакуированных из европейской части Советского Союза, и после землетрясения 1966 г., когда строители из разных концов страны помогали восстанавливать Ташкент. В обеих перипетиях пережить и преодолеть трудности удалось благодаря взаимной поддержке, любви и доверию людей разных национальностей. Создатели и участники проекта “Малый шелковый путь” “совпали в единомудном желании сохранить в литературном творчестве образ былого города – сначала это был Ташкент, а потом он метафоризировался в “ташкент”, который есть у каждого писателя бывшего советского “окоема” (по терминологии “путейцев”).

Э.Ф. Шафранская – приводит выразительный фрагмент манифеста альманаха “Малый шелковый путь”: “Можно говорить почти о вещественном – шагреневом – исчезновении родины в привычном ее качестве. Малая родина поэта – последнее, что ему остается, но и она понемногу вытекает сквозь образовавшуюся брешь. Не поэт в данном случае эмигрирует из родной страны – она покидает его, словно почва, уходя из-под ног” [1].

Аналогичный мотив потерь присутствует в произведениях Шаповалова с 80-х гг., становясь все более слышимым. Однако он звучит все чаще в контексте размышлений об утрате как *имманентном* явлении исторического процесса, потому для поэтизации недавнего прошлого видится мало оснований. При этом острота личной драмы, образ социального сиротства личности в какой-либо конкретной исторической ситуации сопровождаются разнообразными ассоциациями со скитаниями, уже нашедшими воплощение в мировой художественной культуре. Отсюда образ “Русской Трои”, который уже привлек внимание со стороны литературоведения. Исследователь Г. Хлыпенко объединил ряд произведений Шаповалова в “троянский цикл”, в котором развивается “мотив извечного стремления человека на свою родину”, утрат и обретений на этом пути. Наблюдая за динами-

кой данной темы, Хлыпенко обозначает в этом цикле много реминисценций с античным эпосом. В рамках нашего исследования – это “мотив Кассандры” [2, с. 64–79] в его “троянском цикле”, т. е. – тщетности предсказаний-предупреждений. Саму тему истории у Шаповалова есть возможность ассоциировать с образом Кассандры. История рассматривается им в такой протяженности, что очевидными становятся не только стремления и надежды на переход от одной эпохи к другой, но и степень несовпадения результатов с тем, что ставилось целью. Прошлое предстает скорее чередой забвений и недопониманий, чем дает примеры извлечения уроков. [6]

Отсюда такое свойство лиризма у В. Шаповалова, как *нарастающий конфликт между приятием, отторжением и отстранением*, что сопровождается (особенно в поздних стихах) синтаксической неупорядоченностью внутри стихотворного текста, незавершенностью логической цепочки. Намеки на известное минувшее содержатся в таких абстрагированных образах: “Скрижали сотрутся. / И гордые годы о морок запнутя”; “Те ж телеги на коих пришли из России, / скрип колес, плач комуза, туман из ложбин”. На основе прецедентных текстов читатель может предположить библейское описание странствий в поисках земли обетованной, когда сороколетнее скитание было попыткой со стороны Моисея привести в соответствие мечты о достижении идеальной родины с реальной требовательностью жизненного пространства к человеку. “Те ж телеги” русских, “скрип колес” напоминают в контексте художественного мира Шаповалова, с его верностью героическому эпосу, – “Слово о полку Игореве”, наполненное сожалением о поражении доблестного войска, погибшего в результате недооценки возможных последствий самоуверенности. И “плач комуза” в этом контексте напоминает о потерях, пережитых в финале похода Манаса, завершившегося тоже непредвиденно [7].

Эти сравнения позволяют, в частности, казахстанским литературоведам утверждать, что “речетворческая деятельность” Шаповалова “отмечена актуализацией в поэтическом дискурсе уникального культурного пространства, сочетающего, в первую очередь, элементы славянской (русской) и тюркской (кыргызской) лингвокультур, христианской и мусульманской мифопоэтических картин мира”, погружением “в семиосферу русской и кыргызской духовности” [8, с. 32–36], являющейся как бы дуальным прецедентным текстом поэзии Шаповалова.

Этот внутренний конфликт переживаний смягчается эстетичностью словесной ткани. В ней часты ассонансы и аллитерации, которые на звуковом уровне объединяют слова и смыслы и придают контрастам элегический оттенок, тем самым как бы примиряют современника с чреватостью судьбы, непредвиденными поражениями: ...а губы еще улыбнутся, / не ведая: / рушится дом. / Что ж, медиумы, уйдем? – / бред, прошлое, блюдце, ледок со стеклом... / Но если когда-нибудь слезы прорвутся – / То лишь о былом” [2].

Острота образного решения переживаний человека, оказавшегося между двумя родинами, и потому несущего утраты, делает поэзию Шаповалова, бесспорно, явлением, требующим внимания в эпоху нарастания миграций.

Масштаб проблемы подчеркивается универсальностью, обобщенностью образов, которая возникает от смешения географических и исторических, культурных реалий (Запад – Восток, язычество – христианство – мусульманство..., славянское – тюркское...). Притом, что такого рода смешение характеризует современный литературный процесс вообще, постмодернистскую эстетику особенно, в ближнем зарубежье у этого процесса свои пути и оттенки.

В рецензии на третий выпуск альманаха “Малый шелковый путь” сопоставляются на предмет частного и общего – ташкентская группа русскоязычных писателей и ферганская. Подчеркнута изначальная установка расширить гуманистическую объединяющую направленность деятельности. “Существует... причина относиться к опыту “ферганской школы” с максимальным вниманием. В начале 90-х гг. лидер “школы” Шамшад Абдуллаев, будучи зам. гл. ред. журнала “Звезда Востока”, в интервью, опубликованном в газете “Гуманитарный фонд” [1993. № 15], определяет программу “Звезды Востока” так: “Главная идея журнала – та, что западная культура и восточная духовность – единый и непрерывный процесс... Мы стремимся снова и снова показать, что любое эстетическое действие держится не столько на идеологическом императиве, сколько на чувстве человеческой всеобщности”. В рецензии А. Урицкий говорит о жесткой реакции со стороны “узбекских властей” на данную позицию журнала, добавляя: “Сегодня понятно, что в течение пяти лет “Звезда Востока” противостояла, и противостояла успешно не каким-то руководителям и начальникам, а инерции мышления, наиболее четко выраженной в знаменитых строках Киплинга: “Запад есть За-

пад, Восток есть Восток, и с места они не сойдут”. И когда читаешь очередную статью про войну цивилизаций, опыт “Звезды Востока”, опыт “ферганской школы” видится как реальная альтернатива озлоблению и нетерпимости” [7].

Таким образом, у русскоязычных писателей из Узбекистана отмечается тенденция акцентировать внимание на концептах ДОМ и РОДИНА, что важно для каждого лично в связи с потребностью в защищенности. А с другой стороны – к общечеловеческому, объединяющему. Декларируется тенденция к сохранению в памяти былого гостеприимства Ташкента, противостояния традиции разделения на Запад и Восток.

В поэзии же В. Шаповалова в последние годы нашла отражение тщетность попыток противостоять ходу вещей (“Что было в начале пути – ни к кому не вернется”; “Дней непоправимое скольжение. Давних звездных вспышек календарь. Легкая листва стихосложения. Ничего не помнящая даль”; “Все, что будет нового под небом, ни тепла, ни силы не придаст”).

Постсоветская реальность Кыргызстана, естественно, имеет свои особенности и придает означенным выше темам свои драматические черты. Отпечаток на чувство дома накладывают напряженные коллизии национального самосознания и политического самоопределения небольшой и далеко не моноэтнической страны. Вероятно, в немалой степени это определено профессиональной судьбой: миссия поэта-переводчика формирует бифокальное зрение, когда одна языковая картина мира и другая все время в сопоставлении во имя поисков родства.

Изучение и перевод народного героического эпоса “Манас” обращает поэта и переводчика к глубинным национальным процессам, к истории формирования и укрепления единства народа, к мощным традициям сохранять определяющие черты ментальности и системы внутринациональных отношений. Его русская художественная речь обрела сильный киргизский “акцент” (в отличие от творчества его соплеменников С. Суловой-Токомбаевой или А. Никитенко). Отсюда безбоязненная откровенность в обсуждении исторического пути народа, драматизма судьбы человека, оказавшегося на перекрестке двух культур после того, как их путь был общим на протяжении целой человеческой судьбы в двух поколениях.

“Манас” стал основанием прочных эпических традиций в культуре киргизского народа. Поэт Кыргызстана В. Шаповалов своеобразно сохраняет освоенную им эпичность произведений и в своем собственном литературном творчестве.

В кыргызской словесности между “Манасом” – явлением устного народного творчества – и основным массивом письменных художественных текстов народа, создавшего это произведение, гораздо меньшая дистанция, чем между аналогичными явлениями в художественной культуре, например, Индии, Китая, Греции.

Большой удельный вес традиций устного народного эпоса плюс сохраняемые до сих пор элементы древнего кочевого образа жизни (перемещение на летние пастбища “джайлоо”), естественно, оставляют след в языковом сознании и в художественной словесности. Преобладание в народном эпосе общего и типичного над частным, индивидуальным – изображаемая реальность укрупняется и абстрагируется. В современной же художественной культуре субъективность и детализация в эстетическом и психологическом планах получают больше полномочий. Совмещение свойств, присущих народному эпосу, и современная степень субъективности создает у В. Шаповалова своеобразный синтез отстраненности и лиризма. Индивидуализированность ассоциаций соперничает при этом с уровнем обобщенности образов истории.

В целом ряде произведений Шаповалов подчеркивает, что в истории нередко остается от личности лишь имя; смысл же деяний либо утрачивается, либо недооценивается. При этом следствием слияния лиризма и эпичности становится то, что авторское “Я” и сопереживает, и отстраняется. Отсюда синтез сочувствия личности и отстраненности как результат бессилия перед бесстрастностью неизбежного.

В лирике статус достоверного факта обретают догадка, предчувствие, фантазия. К этим свойствам художественной культуры устремляется лирическое “я” В. Шаповалова. В сумятицу случайного и разрушительного поэт привносит спасительную гармонию речи. В стихотворении “Киргизский дискурс. 2010” в контексте воспоминаний о жестоких событиях в Оше, Джалалабаде и Узгене есть образы, экспрессивно передающие отрицательное содержание (например, “убежище предков умрет в экскрементах потомков”). Но при этом автор, обобщая и абстрагируя свое представление о человеке, выбирает слова, которые обозначают чистоту и уязвимость, тем самым усиливая названные качества:

дитя человечье бездомная легкая серна
пересекает шоссе вспугнута псами
юность бежит и рвется бедное сердце
путь завершает земной да вы помните сами
дитя человечье под хоровод звездопада

в свете фар творит истерзанный танец
на жаркой дороге...

Шаповалов переводит современному читателю радостные стихи – фрагменты из древней энциклопедии Махмуда Кашгарского (“Тюркское слово”):

Мелодии уже звучат,
Слова в них с музыкою в лад,
Кувшины выстроились в ряд –
Приди в мой сад!

От счастья кружится земля,
В кувшинах с горлом журавля
Вино поет, нас веселя.
Приди в мой сад!

Судьбу мне взглядом напророчь,
Чтобы печаль бежала прочь...

В произведении, посвященном памяти академика М.Л. Гаспарова, поэт задает риторический вопрос: “Но что это все же, судьба или отвага? – / от смерти, от жизни, от ветра не прятать лица, / предвидеть финал этой подлой прекрасной игры / и, с прежней улыбкой являя свою крутолобость, / сквозь муть опечаток искать лишь единственный логос!”.

Когда Шаповалов пишет: “Тяжелые птицы неведомой хищной породы / на стенах мазара торчат, как столетья покоя”, образ вечности обретает очередную запоминающуюся вариацию, выделяясь особой изобразительностью. Выражения, где соединились странность и предельная внятность, указывающие именно на данного автора, и есть свидетельство дара (“В снегах и бурьянах застыли родимые прерии”; “ликованье воды в арыке”; “пичуга, тоскуя на черной чинаре, / по-русски поет...” и т.д.)

Нельзя не согласиться с исследователем Б. Койчueвым, который в статье об “архетипе “Памятника” в истории мировой литературы” [5] ставит В. Шаповалова в ряд выдающихся продолжателей переключки поэтов, опираясь на его стихотворение “Ехегі monumentum”, посвященное памяти переводчиков эпоса. Весомый аргумент в пользу оригинальности поэта.

В другом стихотворении “памятничкового” цикла поэт говорит: “Не зарастает, Гораций, только тропа к водою”, демонстрируя амбивалентность мировосприятия. Если под словом “водою” понимать только обозначение места для удовлетворения, физической потребности на фоне “духовной жажды”, то метафора пессимистично-пародийна. Но сквозь призму ли-

тературоцентричного сознания и даже в рамках школьной программы ассоциация с пушкинским “духовной жаждою томим” сильна – и тогда строка современного поэта одновременно хранит оптимистическую уверенность: “не зарастет тропа”, пока есть некое знание о духовной жажде. Интонация горького отрицания тут все же сильнее...

Неоднозначность шаповаловской реплики Горацию симптоматична в современных условиях властного доминирования потребительских страстей.

Среди поздних произведений В. Шаповалова есть стихотворение, начинающееся пушкинской строкой “Нас было много на челне”. Она же – рефрен, начинающий почти каждую из строф данного текста. Эпиграфом к нему взята цитата “Я гимны прежние пою...”. Смещение мифологем (поход за руном, Вифлеемская звезда, звезда Полюнь), а также – стилистические контрасты (“со знаком тепла на челе”, “мы за каким-то, блин, руном / гребли...”), остранение пространства (“в аду, в раю, идя по краю”) воспринимается как накопление аргументов в пользу выстраданности вывода. Завершается этот страстный противоречивый монолог современного поэта в духе лучших традиций русской классической литературы.

...Нас было много на челне –
в который век? в какой стране?
О, по какой мы шли трясине!
...В аду, в раю идя по краю,
я гимны прежние пою
и родину не укоряю.

Литература

1. Шафранская Э.Ф. Названия картин как концепт Город в “ташкентском” романе Рубиной: [электронный ресурс] // <http://science.rggu.ru/article.html?id=66074>
2. Хлыпенко Г.Н. Образ “Русской Трои” в поэзии Вячеслава Шаповалова // Вестник КРСУ: Языкознание. Литературоведение. 2010. Т. 10. № 3.
3. Абдуллаев Е. Современная русская литература Средней Азии: случай многослойного отражения // Вопр. литературы. 2006. № 3.
4. Савельева В.В. Русская литература в ближнем зарубежье: взгляд из Казахстана // Актуальные проблемы изучения и преподавания русской литературы: взгляд из России – взгляд из зарубежья // Междунар. научно-практ. конф., посв. 190-летию кафедры истории рус. лит. Санкт-Петер. гос. ун-та: [электронный ресурс] // <http://philarts.spbu.ru/konferences>.
5. Койчуев Б.Т. Рукотворная скрижаль и нерукотворное слово: Архетип “Памятника” в истории мировой литературы // Современная литература в меняющемся мире: материалы междунар. науч. конф. Ереван: Российско-Армянск. ун-т, 2011.
6. Ахмедьяров К.К., Алдаберген кызы Л. Своеобразие культурного пространства поэтического дискурса Вячеслава Шаповалова // Язык и жизнь в динамике: к 70-летию А. Орусбаева. Бишкек, 2009.
7. Дар. Статьи и материалы о творчестве Вячеслава Шаповалова / сост. С.Г. Сусллова, Е.Г. Колесников; отв. ред. акад. В.М. Плоских. Бишкек: Архи; Просвещение; Турар, 2007.
8. Урицкий А. Где все-таки сошлись Запад и Восток... (Рец. на кн.: Малый Шелковый путь. Новый альманах поэзии: вып. 3. М.: ЛИА Р. Элинина, 2002): [электронный ресурс]: // <http://magazines.russ.ru/nlo/2003/60/uric.html>